

— Юнь-гунгун, — почти выпалил Чу Е, — сходи посмотри, на месте ли ещё третий брат?

Юнь-гунгун на мгновение замер, а затем его глаза внезапно загорелись. Хотя шестой принц сам изъявил желание, евнух, опасаясь, что тот передумает, не обращая внимания на возраст, ветер и ливень, бросился обратно во дворец.

Когда фигура Юнь-гунгуна скрылась из виду, Чу Е осознал, что только что натворил. Нет, ну что за наваждение? Его мозг снова решил сыграть с ним злую шутку?

Чу Е подозревал, что на него всё ещё влияют остаточные мысли прежнего владельца тела, но, к счастью, Система не издавала никаких предупреждающих сигналов. Напротив, она с явным злорадством отозвалась:

— Раз уж спросил, теперь придётся нести ответственность до конца!

Чу Е подумал, что явно недооценил эту Систему «Мерзкий мужчина». Похоже, этого паршивца только радует, если он ввязывается в подобные авантюры!

Юнь-гунгун работал споро: не прошло и много времени, как другой молодой евнух, промокший под проливным дождем, подбежал к карете с докладом. Всё по законам жанра: главный герой-страдалец действительно всё ещё стоял на коленях под дождём.

Хотя это не входило в планы Чу Е, сейчас нельзя было полагаться на Сюань Я — тот находился слишком далеко, чтобы помочь. К тому же Чу Е всё чётко для себя уяснил: пока конечный результат — его косвенная гибель от рук Чу Иншэня — остаётся неизменным, способ не так уж важен. А значит, любые действия в промежутке не считаются нарушением.

Чу Иншэнь, хоть и был злопамятным, всё же не был лишён человечности. Если он сейчас поможет ему, разве не удастся хоть немного поправить их шаткие отношения? Хотя Чу Е сомневался, что это принесёт много пользы, но это всяко лучше, чем гнить в тюрьме, выполняя роль половой тряпки для других!

Приняв решение, Чу Е не стал медлить. Не дожидаясь, пока слуги в панике начнут его останавливать, он вышел из кареты. Ожидавший неподалёку евнух поспешно раскрыл зонт, укрывая Чу Е от дождя. Опасаясь, что принц простудится, он приготовил плащ и принялся услужливо уговаривать:

— Ветер холодный, Ваше Высочество, прошу, скорее вернитесь в карету, чтобы не заболеть!

Чу Е пропустил его слова мимо ушей и, раздражённый медлительностью, просто вырвал зонт из рук парня. Евнух, не смея медлить, поспешно бросился следом.

Почти сутки на коленях — даже если Чу Иншэнь был крепким орешком, его тело под натиском ледяного ливня должно было достичь предела. Холод ночного ветра, палящее солнце

Сюаньяна, непрекращающиеся потоки воды и онемевшие колени — всё это было настоящей пыткой.

Когда Чу Е подошёл, он увидел, что Чу Иншэнь застыл, словно неподвижная статуя. Каким он был, когда Чу Е уходил, таким и остался. Он стоял на коленях в одиночестве, никем не замеченный, никем не любимый, никем не пожалеемый. Его фигура под дождём казалась ещё более одинокой.

Мысли Чу Е спутались, и он невольно поймал себя на чувстве глубокого сопереживания. Он ускорил шаг, наклоняя зонт в сторону Чу Иншэня. Капли дождя уже насквозь промочили ресницы того, и он, ошеломлённый, медленно поднял голову. Чу Е увидел, как его губы слегка дрогнули, но из-за шума дождя он не смог разобрать ни слова.

Не успел он открыть рот, чтобы спросить, как раздался властный, полный гнева окрик:

— Безобразие!

Чу Е поднял голову и увидел императора, чьё лицо напоминало ледяную маску. Юнь-гунгун и остальные евнухи уже в страхе распростёрлись ниц, и лишь Чу Е, набравшись наглости, растянул губы в улыбке и послушно произнёс:

— Отец-император.

От этой улыбки и этого голоса гнев императора, даже при всей его силе, мгновенно поутих. Однако, беспокоясь за здоровье сына, он по-прежнему оставался суров и, лично поправив зонт в руках Чу Е, принялся отчитывать:

— Тебе что, наскучило жить в комфорте?

Хотя Чу Е знал, что император его балует, он был искренне удивлён тем, что тот лично пришёл его защитить. Он ведь уже приготовился к наказанию вместе с братом. Но Чу Е быстро сориентировался и поспешно наклонил зонт в сторону императора, не забыв при этом подлизаться:

— Ваше здоровье важнее всего, берегитесь простуды. Я ведь увидел, какой сильный ливень, вот и вернулся во дворец, чтобы напомнить вам!

Император холодно фыркнул:

— Внутрь!

Чу Е тревожно взглянул на Чу Иншэня, который всё ещё стоял на коленях под дождём:

— Третий брат...

Не успел он договорить, как император обернулся к нему:

— Если ты заболеешь, первым, кто понесёт наказание, будет он!

После этих слов Чу Е больше не смел произнести ни звука, послушно закрыв рот и превратившись в тихого, покладистого ребёнка. Он не хотел, чтобы вышло наоборот: вместо того чтобы заслужить благодарность, он лишь добавил бы брату неприятностей.

Двери кабинета закрылись, отрезая шум дождя.

— Ступай в комнату и переоденься, — голос императора, когда он заговорил снова, утратил прежнюю холодность и теперь был пронизан явным беспокойством.

Чу Е ожидал нагоняя, но император прежде всего позаботился о его здоровье. На душе у него стало беспокойно, но он отчётливо почувствовал искреннюю любовь императора.

Во дворце всегда держали одежду для него. Когда он вышел переодетым, Юнь-гунгун принёс ему грелку для рук. Чу Е принял её, и его скованное от холода тело немного расслабилось. Из-за чувства вины он старался не показывать, насколько ему плохо, хотя на самом деле всю дорогу его била дрожь. То, что для других было лишь прохладным дождливым днём, для его слабого тела оказалось смертельно опасным.

Императорский лекарь уже ждал, чтобы проверить пульс. Каждый шаг императора был продуман до мелочей, но ведь он не был его родным сыном. Даже обычный мужчина вряд ли стал бы так заботиться о чужом ребёнке, не говоря уже об императоре, правящем Поднебесной.

Чу Е не мог этого понять, но во время осмотра он почувствовал такую слабость и сонливость, что едва держался на ногах.

— Отец-император, — голос Чу Е, бледного как полотно, звучал едва слышно.

Его вид напугал императора:

— Тебе плохо?

Чу Е, чувствуя, как тяжелеет голова, через силу покачал ею:

— Это не вина третьего брата, я сам проявил упрямство. Пожалуйста, не наказывайте его.

Император нахмурился. Он положил ладонь на лоб сына, и его лицо мгновенно исказилось от гнева — ещё более сильного, чем на улице. Чу Е уже почти ничего не видел и, даже не услышав ответа, бессильно повалился на кушетку, погрузившись в забытие.

Что было дальше, Чу Е уже не помнил. Он проспал целые сутки.

Когда он открыл глаза, он уже был в своём поместье. Всё тело болело, словно его избили тяжёлыми молотами. В голове всё ещё стоял туман, и он долго смотрел в потолок, не в силах пошевелиться. Лишь когда дверь отворилась и кто-то подошёл к кровати, Чу Е обрёл чувство реальности и повернул голову.

— Ваше Высочество, вы очнулись?

Голос, донёсшийся до него, был чистым и приятным, словно журчание горного ручья, отчего на душе стало легче.

— Чувствуете какой-то дискомфорт? Лекарь скоро будет. Позвольте мне помочь вам умыться и немного перекусить, хорошо?

Чу Е не знал, сколько проспал, но, открыв глаза, почувствовал не только боль, но и сильный голод. Его губы дрогнули, а голос прозвучал хрипло:

— Хорошо, благодарю, супруг.

Хотя голос был хриплым, он звучал не неприятно, а его хрупкий вид вызывал лишь жалость. Глаза Цзи Юйхэ смягчились, а голос стал ещё тише, будто он обращался с чем-то крайне хрупким.

Цзи Юйхэ всё делал сам: и умывал его, и кормил. Чу Е поначалу чувствовал неловкость, но, поскольку сил совсем не было, ему пришлось принять помощь.

Лекарь, которого император специально оставил в поместье, дожидался снаружи и вошёл только после разрешения Цзи Юйхэ. К счастью, состояние Чу Е стало намного стабильнее, но из-за слабости здоровья ему требовался покой. Лекарь также вежливо напомнил, что нужно избегать нагрузок и питаться укрепляющими продуктами, но в меру — слишком сильные лекарства для такого слабого организма могут быть вредны.

Услышав это, Чу Е слегка покраснел, но, к счастью, из-за простуды его лицо и так было горячим, так что никто ничего не заподозрил.

Когда лекарь ушёл, они остались вдвоём. Чу Е украдкой бросил взгляд на Цзи Юйхэ. Тот, как и прежде, сохранял невозмутимый вид и не стал читать нотаций, а лишь, как подобает супругу, занялся своими обязанностями:

— Вчера отец-император снова прислал Юнь-гунгуна с редкими целебными травами. Позже я велю повару приготовить отвар. Раз уж вам нездоровится, отдохните ещё немного, хорошо?

Чу Е, чувствуя вину, не посмел спорить и послушно кивнул:

— Хорошо, снова доставляю вам хлопоты, супруг.

— Это мой долг, какие могут быть хлопоты? — Цзи Юйхэ улыбнулся. — Почему вы вдруг стали со мной так холодны?

Сердце Чу Е сжалось:

— Разве?

<http://bllate.org/book/22477/2367720>